

С.-Петербургская духовная академія

(1809—1909) ¹⁾.

(Краткій очеркъ ея исторіи за 100 лѣтъ существованія).

I.

17 февраля 1909 года исполнилось 100 лѣтъ со дня открытія С.-Петербургской духовной академіи. Хотя свою исторію эта академія ведетъ именно съ 17 февраля 1809 года, когда произошло торжественное открытіе ея, однако начало ея, своего рода ея эмбриональный періодъ, восходитъ къ гораздо раннѣйшему времени. Уже въ 1721 г., вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, указомъ архіепископа Велико-Новгородскаго Θεодосія было предписано „учредить въ общую пользу при Александроневскомъ монастырѣ... *словенскую школу*“... Вотъ эта-то „словенская школа“ Александроневскаго монастыря и была тѣмъ первоначальнымъ зерномъ, изъ котораго, путемъ постепеннаго преобразования и расширенія соотвѣтственно нуждамъ времени, и выросла нынѣшняя С.-Петербургская духовная академія ²⁾.

Словенская школа Александроневскаго монастыря была низшимъ приготовительнымъ училищемъ и при томъ болѣе народнымъ, нежели специальнымъ церковнымъ. Для обученія въ нее принимали дѣтей всѣхъ сословій, но главнымъ образомъ поступали служительскія дѣти изъ монастырскихъ вотчинъ, также дьяческія, подъяческія и посадскія, а церковническихъ дѣтей было очень не много. Содержаться школа должна была на обычныя монастырскія средства.

Въ 1725 г. по повелѣнію Императрицы Екатерины I Алексѣевны эта „словенская школа“ была преобразована: она получила уже харак-

¹⁾ По поводу празднованія ея 100-лѣтняго юбилея 15—17 декабря 1909 г.

²⁾ Историкъ с.-петербургской духовной академіи, ея проф. И. Чистовичъ съ этого именно и начинается ея исторія.

теръ спеціального учрежденія для образованія достойныхъ служителей церкви.

Въ число предметовъ преподаванія были введены греческій и латинскій языки; преподавались также—богословіе, философія, риторика и т. д. Самая школа была переименована въ „славено-греко-латинскую семинарію“. Эта „славено-греко-латинская семинарія“ ничѣмъ не отличалась отъ другихъ, еще ранѣе открытыхъ по разнымъ епархіямъ семинарій. Въ этомъ видѣ она продолжала существовать до 1788 года, когда, по ходатайству митрополита Гавріила, Высочайше разрѣшено было преобразование ея въ „главную семинарію“ для приготовленія учителей въ другія семинаріи.

По указу Св. Синода 1788 г., епархіальныя семинаріи, ближе примыкавшія къ С.-Петербургу, нежели къ Москвѣ и Кіеву, гдѣ уже ранѣе существовали академіи для той же, что и главная семинарія Александроневскаго монастыря, цѣли, должны были присылать сюда (не болѣе, чѣмъ по два изъ каждой) лучшихъ воспитанниковъ изъ окончившихъ уже ученіе не ниже риторическаго класса. Здѣсь они изучали богословіе, философію и математику, и, по окончаніи образованія, возвращались обратно въ семинарію уже для занятія въ ней учительской должности.

Такое возвышеніе Александроневской славено-греко-латинской семинаріи надъ другими семинаріями (ближайшихъ епархій) произошло въ параллель и по примѣру образованія главныхъ (на-ряду съ малыми) народныхъ училищъ, послѣдовавшаго вслѣдъ за утвержденіемъ Императрицею Екатериною II въ 1786 г. выработаннаго особою комиссіею „Устава народныхъ училищъ Россійской имперіи“.

Въ кругъ наукъ преобразованной семинаріи введены были новые предметы,—церковная исторія, механика, естественная исторія, математика и опытная физика. Въ качествѣ учебниковъ были приняты изданія „комиссіи по учрежденію народныхъ училищъ“; по тѣмъ же предметамъ, для которыхъ не было руководствъ на рускомъ языкѣ, употреблялись учебники иностранныя.

Вслѣдъ за переименованіемъ семинаріи въ главную, для нея отданъ былъ особый корпусъ (Ѳеодоровскій) въ лаврѣ ¹⁾.

Вотъ въ этой-то самой главной семинаріи и былъ—вначалѣ въ качествѣ присланнаго изъ Владимірской семинаріи для обученія „богословскимъ и философскимъ наукамъ и высшей математикѣ“

¹⁾ До 1741 г. она помѣщалась въ особомъ зданіи по сѣверную сторону Черной рѣчки „подлѣ самыхъ слободскихъ, служительскихъ и мастеровыхъ людей дворовъ при самой перспективной улицѣ“ (Невскій проспектъ), а съ 1742 г. въ выстроенномъ для нея деревянномъ зданіи за (прежнимъ) стекляннымъ заводомъ по Шлиссельбургскому проспекту.

ученика, а потомъ въ качествѣ учителя „высшаго, преимущественно церковнаго краснорѣчія и чистой математики“, и наконецъ—префекта ея,—знаменитый впослѣдствіи государственный дѣятель эпохи Александра I, оставившій памятникомъ по себѣ полное собраніе и сводъ законовъ Россійской имперіи и много полезныхъ учрежденій по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія, Мих. Мих. Сперанскій.

Въ 1797 г. произошло преобразование главной семинаріи: въ этомъ году она была переименована въ „Александроневскую академію“. Такимъ образомъ она была приведена къ типу существовавшихъ уже и до того времени академій въ Москвѣ и Кіевѣ. Кругъ наукъ въ академіи былъ расширенъ и дополненъ (сравнительно не только съ семинаріями вообще, но и съ бывшей, главной Александроневской семинаріей) новыми предметами.

Такъ было расширено преподаваніе по богословію, философіи ¹⁾, введены языки — еврейскій, нѣмецкій, французскій. Еврейскій и греческій языки были обязательны для всѣхъ, а изъ прочихъ—одинъ по выбору учащихся.

Академіи и ректору ея было поручено наблюденіе за преподаваніемъ во всѣхъ семинаріяхъ своего округа, такъ что эти послѣднія были поставлены въ ближайшее отношеніе къ академіи. Съ 1804 г. въ преподаваніи академіи былъ принятъ методъ народныхъ училищъ, какъ болѣе цѣлесообразный. Въ число предметовъ академическаго курса съ 1802 г. было повелѣно Императоромъ Александромъ I „ввести врачебную науку, въ видахъ большаго распространенія въ духовномъ сословіи основательныхъ медицинскихъ познаній“.

Эта новооткрытая Александроневская академія не была высшимъ ученымъ учрежденіемъ. Цѣлью ея было лишь приготовленіе наставниковъ для духовнаго юношества. Въ первые классы ея принимались кончившіе лишь духовныя и народныя школы, лица, „заправленные въ чтенія церковной и гражданской печати, въ письмѣ, нотномъ пѣніи, знаніи катихизиса и въ началахъ русской грамматики“ ²⁾.

Приготовленію же къ наставническимъ должностямъ служили классы—философскій и богословскій: въ эти классы и поступали присылаемые изъ другихъ семинарій воспитанники. Обучавшіеся въ философскомъ и богословскомъ классахъ (вначалѣ всѣ, а потомъ лишь лучшіе) носили званіе студентовъ. По окончаніи академическаго курса они имѣли право держать публичный диспутъ для

¹⁾ Преподаваніе на латинскомъ языкѣ.

²⁾ Чистовичъ, Исторія С.-Петербургской духовной академіи, стр. 141.

сонсканія ученой степени кандидата богословія (установленной въ 1800 г. митрополитомъ Амвросіемъ).

Число воспитанниковъ этой Александроневской академіи было въ разные годы не одинаково, но въ среднемъ приблизительно отъ 150 и до 270. (Такъ въ 1807 г. было 277 воспитанниковъ). Къ слушанію академическихъ наукъ допускались и посторонніе (въ качествѣ вольнослушателей), при чемъ могли слушать или всѣ предметы, или нѣкоторые изъ нихъ (по желанію).

Матеріальныя средства Александроневской академіи были очень скудны. Окладъ ея вначалѣ оставался тѣмъ же самымъ, что и до преобразованія, т. е. 12 тысячъ рублей. Понятно, что при такой ничтожности этой суммы плата наставникамъ и начальствующимъ лицамъ академіи была очень маленькая. По вѣдомости 1800 года ректору полагалось жалованья 250 рублей въ годъ, префекту 250—300 руб. въ годъ, учителямъ отъ 100 и до 250 руб. Только уже въ послѣдующее время окладъ этотъ былъ постепенно увеличенъ, такъ что въ 1807 г. онъ уже равнялся 24 тыс. рублей.

Но, несмотря на эту скудость средствъ, академія все же старалась не суживать, а расширять кругъ своей обычной благотворительности по отношенію къ своимъ воспитанникамъ. Такъ въ 1800 г. была открыта бурса со всѣмъ казеннымъ содержаніемъ на 100 человекъ; въ послѣдующее время были открыты еще 50 полуказенныхъ вакансій. Не имѣвшимъ возможности поступить въ число этихъ казенныхъ и полуказенныхъ воспитанникамъ выдавалось денежное вспоможеніе (отъ 12 и до 18 рублей въ годъ). Вообще академія старалась дать своимъ воспитанникамъ не только даровое обученіе, но и содержаніе.

Александроневская академія въ своемъ первоначальномъ устройствѣ существовала только 11 лѣтъ (1797—1808 г.г.). Но и за этотъ краткій срокъ она все же успѣла опредѣлить свою фізіономію, — фізіономію учебнаго заведенія, предназначеннаго къ приготовленію наставниковъ для духовнаго юношества. Уже изъ опытовъ первыхъ годовъ можно было видѣть, что она эту свою задачу выполняла вполнѣ удовлетворительно. Какъ первый, такъ и послѣдующіе выпуски Александроневской академіи съ публичными диспутами и т. д. достаточно ясно показали, что воспитанники ея старшихъ классовъ получали всестороннее и основательное (по тому времени) образованіе въ наукахъ богословскихъ и философскихъ. Они могли даже (по крайней мѣрѣ лучшіе) свободно изъясняться на одномъ изъ новыхъ языковъ ¹⁾.

¹⁾ Чистовичъ, Исторія С.-Петербургской духовной академіи, стр. 142.

Такова исторія С.-Петербургской духовной академіи до коренного преобразованія ея въ 1809 г.

II.

Преобразование 1797 г. безъ сомнѣнія шло навстрѣчу вѣяніямъ времени, такъ что на первыхъ порахъ и оно (при всѣхъ своихъ несовершенствахъ) было хорошо, поскольку соответствовало нуждамъ времени. Но именно только на первыхъ порахъ и для перваго случая. Недостатки всей вообще организаціи духовнаго образованія неизбежно должны были съ теченіемъ времени открыться и потребовать коренного измѣненія ея. Это и послѣдовало въ великую, достопамятную эпоху царствованія Александра I, эпоху переустройства и преобразованій всего государства въ духѣ просвѣщенныхъ и гуманнѣйшихъ началъ и стремленій, которыми былъ проникнутъ какъ самъ Государь, такъ и его приближенные друзья и соратники.

Горячо заботясь о просвѣщеніи вообще, Императоръ Александръ Павловичъ, разумѣется, желалъ, въ частности, поднятія уровня и духовнаго просвѣщенія. Это тѣмъ болѣе понятно, что геніальнымъ вдохновителемъ и исполнителемъ всѣхъ его начинаній и плановъ былъ М. М. Сперанскій, самъ прошедшій духовную школу и потому хорошо знавшій ее, человекъ, вышедшій изъ духовнаго сословія и потому далеко не равнодушный къ его интересамъ.

Высочайшимъ указомъ отъ 29 ноября 1807 г. былъ учрежденъ „комитетъ объ усовершенствованіи духовныхъ училищъ“, въ составъ котораго вошли: Амвросій, митрополитъ с.-петербургскій и новгородскій, Теофилактъ (Русановъ), епископъ калужскій, протопресвитеръ С. Ѳ. Краснопѣвковъ, оберъ-свящ. И. С. Державинъ, оберъ-прокуроръ Св. Синода кн. А. Н. Голицынъ и статсъ-секретарь М. М. Сперанскій. Задача комитета состояла въ томъ, чтобы 1) рассмотреть планъ къ усовершенствованію духовныхъ училищъ и 2) исчислить всѣ необходимыя для этого усовершенствованія суммы, съ изысканіемъ способовъ, „коими суммы сіи удобнѣе составить можно“. По первому пункту Комитетъ нашелъ, что духовныя училища должны быть четырехъ родовъ: 1) академіи, 2) семинаріи, 3) училища уѣздныя и 4) приходскія. Академіи предположено было открыть 4: въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и Казани, соответственно количеству учебныхъ округовъ, во главѣ которыхъ эти академіи и должны стоять.

Выработанный комитетомъ проектъ былъ Высочайше утвержденъ 26 іюня 1808 г., и тогда же дѣло завѣдыванія всѣми духовно-учебными заведеніями было поручено учрежденной при Св. Синодѣ „ко-

миссіи духовныхъ училищъ“. Первою по времени рѣшено было открыть С.-Петербургскую академію. 12 ноября 1808 г. было составлено временное правленіе для пріисканія профессоровъ, комплектованія состава учащихся перваго академическаго курса и т. д. Тѣмъ временемъ М. М. Сперанскій и архіепископъ Теофилактъ занялись выработкой проекта устава для будущей С.-Петербургской духовной академіи и къ 9 февраля 1809 г. окончили его. Собственно подборъ историческихъ матеріаловъ и первый планъ академическаго устава былъ сдѣланъ еще ранѣе митрополитомъ Евгеніемъ Болховитиновымъ по порученію митрополита с.-петербургскаго Амвросія и потомъ, пересмотрѣнный и исправленный Анастасіемъ Братановскимъ, сданъ въ 1808 г. во вновь образованную комиссію духовныхъ училищъ и оказалъ послѣдней значительную помощь въ ея работахъ по составленію новаго устава. Эта предварительная и въ то же время основная работа митрополита Евгенія Болховитинова, кромѣ этого, имѣла еще и другое чрезвычайно большое значеніе, именно для опредѣленія направленія и цѣли академіи, какъ особаго учебно-ученаго учрежденія. Дѣло въ томъ, что самою жизнью требовался такой типъ высшей православно-русской духовной школы, которая, будучи воздвигнута на развалинахъ старой, къ тому же чужой школы, вполне удовлетворяла бы православно-русскимъ запросамъ и нуждамъ. Митрополитъ Евгеній Болховитиновъ, какъ человѣкъ, принадлежавшій къ числу новыхъ, передовыхъ русскихъ людей начала XIX в., человѣкъ научно-любопытный и, главное, на себѣ испытавшій всю тяжесть и неудовлетворительность господствовавшей въ старой духовной школѣ схоластики, прекрасно понималъ это и залогъ будущихъ успѣховъ для новой школы видѣлъ именно въ самой тѣсной связи съ литературно-общественными и религіозно-философскими теченіями своего времени. Все это, конечно, не могло не отразиться не только на составленномъ м. Евгеніемъ Болховитиновымъ планѣ-наброскѣ устава духовныхъ академій, но и на уставѣ, выработанномъ впослѣдствіи комиссіею.

Первое „начертаніе правилъ“ вмѣстѣ съ докладомъ комиссіи о преобразованіи духовныхъ училищъ было напечатано еще въ 1808 г. По этимъ „начертаніямъ“ цѣль академіи тройкая: 1) образованіе духовнаго юношества къ высшимъ духовнымъ должностямъ, 2) распространеніе и поощреніе учености въ духовенствѣ своего округа и 3) управленіе училищами своего округа. Сообразно съ этимъ академія имѣетъ: 1) академическій институтъ (учебная часть академіи) и 2) академическую конференцію (для цензуры книгъ, производства частныхъ и публичныхъ экзаменовъ, присужденія ученыхъ степеней и т. д.). Выработанный М. М. Сперанскимъ (введеніе и

первая часть) и архіеп. Теофилактомъ (вторая часть) проектъ устава данъ былъ для руководства академической конференціи С.-Петербургской духовной академіи на первый курсъ (который имѣлъ продолжаться 6 лѣтъ) съ тѣмъ, чтобы она доводила до свѣдѣнія комиссіи о всѣхъ недочетахъ его при проведеніи въ жизнь и о необходимыхъ исправленіяхъ.

Въ составъ наукъ академіи по проекту входили слѣдующіе предметы: I классъ богословскихъ наукъ: догматическое, нравственное, политическое богословіе, свящ. герменевтика, гомилетика, каноническое и церковное право. II классъ философскихъ наукъ: философская терминологія (въ качествѣ повторенія семинарскихъ свѣдѣній въ этой области) и философская исторія (это, собственно, не отдѣльные предметы, а лишь объемъ преподаванія философіи). III классъ наукъ словесныхъ: теоретическая и практическая эстетика. IV классъ наукъ физико-математическихъ: первоначальная, высшая и физико-математика. V классъ историческихъ наукъ: хронологія, географія, русская географія, церковная исторія и исторія древностей церковныхъ, гражданская исторія. VI классъ языковъ: греческій, латинскій (оба одинаково обязательны), еврейскій, французскій и нѣмецкій.

Вопросомъ первой важности было конечно пріисканіе профессоръ для открывшейся академіи. Эту задачу взяли на себя: м. Амвросій (для богословскихъ предметовъ), оберъ-свящ. Державинъ (историч. науки), кн. А. Н. Голицынъ (математика и новые языки) и М. М. Сперанскій (философія и древніе языки). Относительно новыхъ языковъ было постановлено, чтобы ихъ преподавали природные нѣмцы и французы.

Первыми профессорами для перваго академическаго курса были слѣдующія лица: 1) для богословскаго класса архим. Евграфъ (Мусалевскій-Платоновъ), 2) философскихъ—Игнатій Фесслеръ, ученый нѣмецъ, докторъ церковнаго права и богословія; первоначально онъ былъ вызванъ М. М. Сперанскимъ (по рекомендаціи проф. С.-Петербургскаго педагогическаго института Лодія, къ которому вначалѣ обратились съ предложеніемъ занять каѳедру въ академіи, но который отказался) для преподаванія еврейскаго языка (съ увеличеннымъ жалованьемъ въ 2.500 р. въ годъ), а для философскихъ предметовъ въ качествѣ профессора вначалѣ былъ назначенъ іеромонахъ Евгений (Казанцевъ). Но когда Сперанскій изъ бесѣдъ съ Фесслеромъ убѣдился, что онъ имѣетъ „отличныя свѣдѣнія въ философскихъ наукахъ“, то вмѣсто іеромонаха Евгения онъ предложилъ комиссіи предоставить Фесслеру и каѳедру философіи. Это было уже по истеченіи перваго учебнаго года, въ январѣ 1810 г.

Во время экзамена по философіи обнаружилась малоуспѣшность студентовъ по этому предмету. Комиссія отнесла это къ недостаткамъ преподавательскихъ способностей Евгенія и постановила „замѣнить іеромонаха Евгенія въ послѣдство времени другимъ способнѣйшимъ“. 3) Науки словесныя взялся бесплатно преподавать архіеп. Теофилактъ; 4) для историческихъ наукъ проф. Я. В. Орловъ, 5) математическихъ—академикъ С. Е. Гурьевъ, 6) языковъ: еврейскаго—Фесслеръ, греческаго—Скинасъ, нѣмецкаго Отто Смольяно и французскаго—де-Бое.

Профессоръ богословскаго класса архим. Евграфъ 26 января 1809 г. былъ утвержденъ въ должности ректора.

Въ помощь каждому профессору назначены были бакалавры.

Должно сказать, что подборъ ученыхъ силъ для будущей академіи сдѣланъ былъ очень удачно. Такъ, въ лицѣ архим. Евграфа академія пріобрѣтала „весьма даровитаго ученаго и многообѣщавшаго наставника, проницательнаго и дальновиднаго начальника“¹⁾. Его стараніями былъ привлеченъ въ С.-Петербургскую духовную академію (въ качествѣ бакалавра) знаменитый впослѣдствіи ректоръ (1814—1819) и затѣмъ митрополитъ московскій, а въ то время еще іеромонахъ Филаретъ Дроздовъ, префектъ Виѣанской семинаріи.

Игнатій Фесслеръ представлялъ изъ себя уже большую ученую силу. Это былъ широко и глубоко образованный человѣкъ своего времени, знатокъ философіи и древнихъ языковъ (восточныхъ и классическихъ), писатель, уже пріобрѣтшій за границей значительную извѣстность своими сочиненіями въ разныхъ областяхъ²⁾.

Въ лицѣ Фесслера академія пріобрѣтала для философскихъ предметовъ въ высшей степени серьезнаго и компетентнаго преподавателя.

Архіепископъ Теофилактъ, взявшій на себя обязанность безвозмездно преподавать въ академіи словесныя науки, также былъ человѣкъ очень даровитый, европейски образованный, отлично знавшій новыя языки и западно-европейскую литературу. Архіеп. Теофилактъ любилъ свой предметъ, даже прямо увлекался имъ, такъ что для академіи это былъ въ полномъ смыслѣ желательный профессоръ-педагогъ.

Особенно много обѣщалъ академіи перешедшій въ нее изъ Москвы Филаретъ Дроздовъ. Не даромъ митроп. московскій Платонъ усиленно просилъ комиссію и Синодъ возвратить Филарета въ

¹⁾ 50-лѣтіе С.-Петербургской дух. академіи, СПб. 1859 г.

²⁾ Особенно замѣчательны два его сочиненія: а) „Institutiones Linguarum orientalium, hebraeae, chaldaicae, syriacae, arabicae“ и 2) „Anthologia hebraica, e sacris Hebraeorum libris deprompta“.

Московскую академію, какъ такого воспитанника послѣдней, „въ отношеніи котораго онъ прилагалъ свое особенное отеческое попеченіе“ и отъ котораго надѣялся имѣть „утѣшеніе въ старости“. Но Филаретъ былъ оставленъ въ назначенной ему „только важной должности бакалавра богословскихъ наукъ“ при С.-Петербургской духовной академіи и съ теченіемъ времени сдѣлался въ ней истиннымъ свѣточемъ науки.

Въ составъ перваго академическаго курса рѣшено было вызвать 100 человѣкъ, именно столько, сколько позволяло помѣщеніе. (Вновь открываемая академія должна была пока, т. е. до сооруженія новаго зданія для нея¹⁾, помѣщаться въ томъ же Θεодоровскомъ корпусѣ въ оградѣ Лавры, въ которомъ помѣщалась Александровская академія). Въ составъ курса рѣшено было принять: часть изъ студентовъ богословія Александроневской академіи по выдержаніи ими испытанія, а остальныхъ вызвать изъ другихъ академій и семинарій. При этомъ отъ присылаемыхъ студентовъ требовались „отличныя способности къ наукамъ и доброе поведеніе, знаніе, кромѣ латинскаго, другаго языка — греческаго, французскаго или нѣмецкаго“. Возрастомъ должны быть не старѣе 22-хъ лѣтъ, но предоставлялась возможность исключеній для особенно даровитыхъ.

Вызванные студенты собрались въ январѣ 1809 г. Вновь назначенный ректоръ архим. Евграфъ, по порученію митрополита Амвросія, произвелъ испытаніе „въ знаніи ихъ и способностяхъ“.

Многочисленность наукъ, пройти которыя, по проекту, долженъ былъ первый курсъ С.-Петербургской духовной академіи, не позволяла ограничить время для этого 4 годами, какъ это было предположено по „начертаніямъ“ комитета 1807 г. Пришлось растянуть срокъ на 6 лѣтъ. Начало учебнаго года рѣшено считать съ января и къ этому времени, по истеченіи каждаго года, производить испытанія. Лекціи въ академіи могли слушать и посторонніе, но не иначе, какъ „по испытаніи правленіемъ способности ихъ къ сему“.

Наконецъ 17 февраля 1809 г. послѣдовало торжественное открытіе С.-Петербургской духовной академіи. На торжественномъ собраніи профессоръ богословскихъ наукъ и ректоръ академіи архим. Евграфъ прочелъ первый „вступительный урокъ“: „О божественномъ происхожденіи христіанской религіи, счастіи народа, на основаніи ея долгъ свой будущаго, достоинствъ и евангельской истинѣ исповѣданія греко-россійской церкви и настоящихъ предна-

¹⁾ Новое каменное 4-хъ этажное зданіе (теперь по набережной Обводнаго канала, котораго въ то время еще не было) для академіи было окончено только въ 1819 г. при ректорѣ Филаретѣ.

мѣреніяхъ къ усугубленію истиннаго просвѣщенія“. Затѣмъ профессоръ по классу математическихъ наукъ академикъ С. Е. Гурьевъ прочелъ „разсужденіе о математикѣ и ея отрасляхъ“ (въ томъ же году по Высочайшему повелѣнію и напечатанное). Такимъ образомъ, С.-Петербургская духовная академія начала свою жизнь.

Въ основу занятій былъ положенъ принципъ самодѣтельности учащихся. „Добрая метода, говорилось въ проектѣ устава, состоитъ въ томъ, чтобы способствовать къ раскрытію собственныхъ силъ и способностей въ воспитанникахъ. Средствами для этого были признаны—требованіе отъ студентовъ“ самимъ изъяснять истины, имъ (профессоромъ) открытыя, вообще самостоятельныя упражненія и критика ихъ со стороны профессора.

По первоначальному росписанію для классныхъ занятій было назначено 8 часовъ. Но такъ какъ скоро увидѣли, что эта продолжительность классныхъ занятій неблагопріятно отзывается на успѣхахъ студентовъ, слишкомъ утомляя ихъ вниманіе съ одной стороны и мало оставляя времени для самостоятельнаго послѣ-класснаго повторенія сообщеннаго на лекціяхъ—съ другой, то, по представленію ректора академіи архим. Сергія (Крылова) ¹⁾, Комиссія назначила для классныхъ занятій вмѣсто 8 уже 6 часовъ. По плану этого ректора арх. Сергія послѣдовало сокращеніе и учебныхъ предметовъ. Всѣ предметы были раздѣлены на коренные (общеобязательныя) и вспомогательныя. Къ первымъ отнесены: богословіе, философія и практическая эстетика, ко вторымъ—всѣ остальные. Изъ этихъ послѣднихъ наукъ студенты должны были выбрать „по своимъ склонностямъ“ (но съ соблюденіемъ равномерности въ количествѣ участниковъ каждой группы въ сравненіи съ другими) науки или математическія или историческія, еврейскій языкъ или одинъ изъ новыхъ (греческій и латинскій языкъ обязательны для всѣхъ). Послѣдовали нѣкоторыя и другія измѣненія въ преподаваніи. Возможность этихъ измѣненій была предусмотрѣна Комиссіей, и конференціи Академіи была предоставлена возможность дѣлать замѣчанія въ этомъ родѣ.

Измѣненія уже въ первый годъ произошли и въ составѣ профессоровъ. Замѣнившій іеромон. Евгенія (Казанцева) проф. Фесслеръ не долго оставался въ академіи. На основаніи поданнаго имъ на разсмотрѣніе Комиссіи конспекта своихъ чтеній по философіи архіеп. Теофилактъ нашелъ философскія начала Фесслера „вредными для Церкви и Отечества и пагубными для студентовъ“.

¹⁾ Архим. Евграфъ скончался въ ноябрѣ 1809 г.; послѣ него и былъ назначенъ Сергій.

Эти начала, по мнѣнію Теофилакта, представляютъ изъ себя „преобразованный платонизмъ“. Они не только подрываютъ религію, но „что всего удивительнѣе, совершенно ниспровергаютъ самую философію“. Свою критику философскихъ началъ Фесслера Теофилактъ изложилъ въ 5 пунктахъ. Несмотря на то, что М. М. Сперанскій представилъ отзывъ благопріятный для Фесслера, мнѣніе Теофилакта восторжествовало. 22 іюня 1810 г. Фесслеръ былъ удаленъ изъ академіи, а на его мѣсто былъ приглашенъ проф. Дерптскаго университета докторъ богословія и философіи Іог. фонъ-Горнъ, который по своей учености могъ съ успѣхомъ замѣнить Фесслера. Горнъ восполнилъ потерю, понесенную С.-Петербургской духовной академіей въ лицѣ Фесслера.

Въ 1812 г. ректоромъ академіи былъ назначенъ архим. Филаретъ (Дроздовъ), который и занималъ этотъ постъ до 1819 г.

Вполнѣ матеріально обезпеченная вначалѣ, при своемъ открытіи, С.-Петербургская духовная академія въ 1812 г. должна была понести значительную потерю въ этомъ отношеніи. Дѣло въ томъ, что, какъ это всякому извѣстно, то было время отечественной войны, потребовавшей отъ Россіи большихъ жертвъ. Духовно-учебное вѣдомство принесло свою лепту на алтарь отечества чрезъ отчисленіе отъ своего капитала 3¹/₂ милліоновъ рублей. Конечно, это не могло не отразиться на матеріальномъ благосостояніи между прочимъ и юной С.-Петербургской академіи, содержавшейся на средства этого вѣдомства. Но вообще-то должно сказать, что вначалѣ С.-Петербургская академія не могла особенно жаловаться на недостаточность матеріальныхъ средствъ. Примѣрнымъ штатомъ духовныхъ академій на С.-Петербургскую положено было 67 тыс. рублей (на 11.200 руб. больше, чѣмъ на другія академіи).

Въ 1813 г. митроп. Амвросій доложилъ Комиссіи, что студенты С.-Петербургской духовной академіи „отъ долговременнаго въ наукахъ упражненія и отъ многотрудныхъ и разнообразныхъ занятій наконецъ утомились“ и на основаніи этого предложилъ сократить первоначально назначенный срокъ ихъ пребыванія въ академіи (6 лѣтъ) на ¹/₂ года и кончить курсъ ихъ ученія въ іюль 1814 г. Предложеніе это было принято. Были произведены испытанія студентамъ академіи, въ результатѣ которыхъ оказалось, что 26 человекъ были удостоены званія магистра богословія, 11-ти предоставлена возможность получить эту степень послѣ благопріятнаго для нихъ отзыва о ихъ занятіяхъ и поведеніи при духовныхъ семинаріяхъ; затѣмъ, 44 человекъ получили званіе кандидата богословія и, наконецъ, 11 остались съ званіемъ студентовъ. 12 лучшихъ воспитанниковъ (въ томъ числѣ знаменитые впоследствии:

Герасимъ Павскій и Григорій Постниковъ) были оставлены при самой академіи для занятія вакансій наставниковъ, или выбывшихъ вслѣдствіе окончанія сдѣланнаго ранѣе обязательства о времени службы при академіи, или уволенныхъ въ надеждѣ замѣстить ихъ способнѣйшими.

Отчетъ о занятіяхъ и результатахъ испытаній перваго академическаго курса былъ представленъ Комиссіей на Высочайшее усмотрѣніе, въ отвѣтъ на что послѣдовали особые рескрипты на имя митрополита Амвросія и ректора академіи архим. Филарета и Высочайшій указъ Комиссіи духовныхъ училищъ. Въ рескриптѣ на имя митрополита между прочимъ говорилось: „разсмотрѣвъ докладъ Комиссіи духовныхъ училищъ объ окончаніи перваго курса новообразованной С.-Петербургской академіи, остаюсь увѣреннымъ, что сей вертоградъ наукъ дастъ въ свое время плоды обильные, покуда принялъ сѣмена благія и расцвѣлъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ искусныхъ смотрителей“. Въ указѣ же на имя Комиссіи говорилось: „Я желаю, чтобы Комиссія обратила свое вниманіе какъ на сихъ новообразованныхъ учителей, такъ и на самыя училища, чтобы устроить ихъ въ прямомъ смыслѣ училищами истины... Внутреннее образованіе юношей къ дѣятельному христіанству да будетъ единственною цѣлію сихъ училищъ“.

Давъ этотъ знаменитый первый выпускъ своихъ питомцевъ, С.-Петербургская духовная академія съ осени того же 1814 г. приступила къ комплектованію втораго курса. Предварительно были сдѣланы нѣкоторыя измѣненія въ порядкѣ приѣма и выпуска студентовъ. Прежде всего курсъ ученія былъ сокращенъ до 4-хъ лѣтъ. Затѣмъ, этотъ четырехлѣтній курсъ былъ раздѣленъ на два двухлѣтія съ особымъ, соотвѣтственно этому, распредѣленіемъ предметовъ академическаго курса.

Такимъ образомъ, приѣмъ и выпуски студентовъ теперь должны были производиться черезъ каждые два года. Это, съ одной стороны, устраняло то неудобство прежней системы, что выпуски были очень рѣдки, а съ другой—этотъ новый порядокъ совпадалъ и съ выпусками семинарій.

Такъ какъ 1814 годъ приходился первымъ въ двухлѣтіи (для семинарій) и, значить, семинарскіе выпуски ожидались на слѣдующій (1815) годъ, то рѣшено было первую половину академическаго курса ограничить однимъ годомъ (чтобы на слѣдующій годъ можно было принять снова) и, значить, весь курсъ пройти въ 3 года (вмѣсто 4-хъ), принять же въ этотъ годъ только половину всего состава курса (55 воспитанниковъ), а другую половину (опять 55)—на слѣдующій годъ.

Эта система приѣма и выпуска (по двухлѣтіямъ) была принята и вошла съ этого времени въ практику.

1814 годъ знаменателенъ для С.-Петербургской духовной академіи не только потому, что онъ далъ цѣлую плеяду молодыхъ работниковъ на нивѣ духовнаго просвѣщенія, но и потому, что въ этомъ году былъ утвержденъ уставъ ея. Проектъ устава, переработанный М. М. Сперанскимъ въ 1810 г., былъ отвергнутъ ¹⁾. Вмѣсто этого, проектъ былъ окончательно пересмотрѣнъ и обработанъ Теофилактомъ и Филаретомъ, а въ 1814 г. и утвержденъ. Этотъ уставъ 1814 г. и продолжалъ оставаться съ силъ (хотя съ нѣкоторыми по временамъ измѣненіями) до 1869 г.

Представляя изъ себя памятникъ исторической, являясь одною изъ главныхъ и существенныхъ „достопримѣчательностей“ старыхъ академическихъ временъ, этотъ уставъ во многомъ отношеніи замѣчателенъ. Изъ характерныхъ особенностей можно отмѣтить слѣдующія.

Уставомъ 1814 г. чрезвычайно усиливалась власть ректора, который для академіи былъ все. Это „единоличное властительство“ ректора, конечно, не могло быть благоприятнымъ для процвѣтанія академіи, такъ-какъ оно отстраняло отъ общаго учебно-образовательнаго и воспитательнаго дѣла „живыхъ членовъ“ академической корпораціи, иногда низводя ихъ до положенія ничтожныхъ и безправныхъ департаментскихъ чиновниковъ. Исторія начальническихъ отношеній ректора Макарія къ (впослѣдствіи) архіеп. Никанору херсонскому, рассказанная послѣднимъ въ своей „автобіографіи“, прекрасно иллюстрируетъ широкую возможность злоупотребленій такою властью и вреда ея для общеакадемическаго дѣла.

Другая характерная черта устава 1814 г. состоитъ въ особомъ распредѣленіи предметовъ академическаго курса. Самыхъ наукъ было столь много, что въ общемъ это—почти цѣлый университетъ; не доставало лишь медицины. При этомъ, въ прохожденіи, наукамъ богословскимъ предшествовали цѣлые классы другихъ—словесныхъ, историческихъ, философскихъ и математическихъ; только классъ языковъ слѣдовалъ за богословскимъ.

Что же касается собственно ученой дѣятельности профессорской корпораціи, то въ этомъ отношеніи уставъ 1814 г., возникнувъ въ періодъ едва-едва пробуждавшейся на Руси богословской мысли,

¹⁾ Въ то время М. М. Сперанскій былъ уже въ большой немилости. Въ его уставъ найдено было нѣчто „вольтерьянское“, вслѣдствіе чего рѣшено было „предать его сожженію“, что и приведено въ исполненіе. (Чистовичъ. Руковод. дѣят., стр. 124).

стѣснялъ идеалы чистаго знанія. Правда, п. 3 параграфа 127 этого устава предписывалъ, чтобы „профессора всегда держались на одной линіи съ послѣдними открытіями и успѣхами въ каждой наукѣ“. Но не такъ-то легко было это сдѣлать, такъ какъ дѣятельность каждаго профессора въ извѣстной области была стѣснена поставленіемъ во главу угла неизбѣжныхъ авторитетовъ, долженствовавшихъ служить для профессоровъ своего рода „столпами“ въ ихъ учебно-научныхъ изысканіяхъ.

Уставъ 1814 г. оставался въ силѣ до 1869 года. За этотъ довольно продолжительный періодъ времени онъ претерпѣвалъ иногда нѣкоторыя измѣненія, дополненія, а иногда и прямыя искаженія.

Относительно преподаванія наукъ академическаго курса еще въ 1819 г. сдѣлано было то общее измѣненіе, что разрѣшалось преподавать ихъ не только на латинскомъ, но и на русскомъ языкѣ (въ видахъ большей пользы). Вначалѣ это было сдѣлано только для богословскихъ наукъ, а потомъ и для всѣхъ прочихъ.

Въ самомъ же уставѣ значительныя измѣненія были сдѣланы при оберъ-прокурорѣ Св. Синода гр. Протасовѣ. Уставомъ 1814 года прокурорамъ вообще предоставлена была большая власть относительно академій въ видѣ возможности разнаго рода „усмотрѣній“ и на основаніи ихъ соотвѣтствующихъ измѣненій. Гр. Протасовъ вообще въ сферѣ церковной политики заявилъ себя реформаторомъ. Такимъ же онъ хотѣлъ быть и по отношенію къ академіи. Но его реформы, какъ въ церковномъ управленіи и вообще въ сферѣ чисто церковной, такъ въ частности и въ учебномъ дѣлѣ имѣли крайне неблагоприятныя послѣдствія. Въ первомъ случаѣ послѣдствіемъ было установленіе того режима, когда члены Синода были превращены въ его безгласныхъ слугъ и когда даже „самое православіе понималось въ протасовскомъ стилѣ“¹⁾. Во второмъ же случаѣ, какъ результатъ требованія рабскаго уваженія къ преданію и боязни всякой живой мысли, послѣдовалъ упадокъ науки въ академіяхъ. С.-Петербургская академія особенно пострадала отъ всѣхъ протасовскихъ экспериментовъ, вѣроятно потому, что она была особенно близка къ власти²⁾.

Собственно учебная часть С.-Петербургской академіи во времена Протасова ухудшилась прежде всего благодаря отмѣнѣ спеціализаціи предметовъ, послѣдовавшей по тѣмъ соображеніямъ, что академія должна готовить больше пастырей церкви, чѣмъ учителей духовныхъ школъ по тому или другому предмету. Въ виду того, что

¹⁾ Изъ Церков. Вѣстн. 1909 № 50—51.

²⁾ Титлиновъ. Дух. школы въ Россіи въ XIX ст., вып. II, стр. 20.

всѣ науки проходить было невозможно (количество учебныхъ часовъ не было увеличено), онъ произвелъ сокращеніе свѣтскихъ наукъ, при чемъ особенно сильно пострадали: философія, общая словесность, гражданская исторія, математика и греческій языкъ. Количество обязательныхъ для всѣхъ предметовъ академическаго курса доходило до почтенной цифры 28, при чемъ число профессоровъ оставалось почти тѣмъ же, такъ что они были перегружены работой. Что же касается студентовъ, то они не имѣли никакой возможности сколько-нибудь спеціализироваться въ какой-нибудь наукѣ.

Относительно внутренней жизни С.-Петербургской духовной академіи за этотъ періодъ времени (т. е. съ 1814 по 1869 г.) должно сказать, что, несмотря на многія неблагопріятныя для себя обстоятельства, она успѣшно шла впередъ. Въ 1821 г. было открыто при С.-Петербургской духовной академіи изданіе духовнаго журнала подъ названіемъ „Христіанское чтеніе“, являвшагося въ первой половинѣ XIX в. почти единственнымъ въ Россіи журналомъ, исключительно посвященнымъ распространенію богословскихъ знаній за предѣлами духовной школы. Вначалѣ „Христіанское чтеніе“ представляло изъ себя повременный сборникъ для религіозно-нравственнаго чтенія, но съ теченіемъ времени оно превратилось въ настоящій духовный журналъ.

Одинъ изъ отдѣловъ этого журнала былъ посвященъ переводу на русскій языкъ твореній св. отцовъ. Но въ 1848 г. рѣшено было производить переводъ и изданіе этихъ твореній полностью „въ непрерывномъ порядкѣ“. Начался переводъ этотъ твореніями св. Іоанна Златоуста¹⁾.

Начаты были также переводъ и изданіе церковныхъ историковъ и византійскихъ писателей. Въ скоромъ времени были напечатаны въ „приложеніяхъ къ Христіанскому чтенію“ историческія сочиненія Евгенія Памфила, Сократа, Созомена, блаж. Θεодорита, Евагрія, Θεодора Чтеца и Филосторгія.

За это же время былъ сдѣланъ переводъ „чина божественной литургіи св. Іоанна Златоуста“ на еврейскій языкъ (въ 1847 г.) профессоромъ Левисономъ (для новообращенныхъ евреевъ). Тому же профессору было поручено пересмотрѣть и исправить переводъ Новаго Завѣта на еврейскій языкъ, что и было исполнено. Проф. В. Н. Карповъ предпринялъ и благополучно окончилъ первый въ Россіи переводъ великаго древняго философа-мудреца Платона.

¹⁾ Къ настоящему времени С.-Петербургской духовной академіей изданы переводы твореній кромѣ этого отца церкви еще творенія преп. Θεодора Студита (въ 1907—8 г.).

Слѣдуетъ упомянуть еще и о томъ, что за это же время профессорами С.-Петербургской духовной академіи были составлены и изданы учебныя руководства и пособія не только по богословскимъ наукамъ, но и по философскимъ и даже по математикѣ.

Въ 1858 г. ректоръ С.-Петербургской духовной академіи Григорій (Постниковъ) исходатайствовалъ у Св. Синода разрѣшеніе о передачѣ рукописей Новгородскаго-Софійскаго собора и Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря въ собственность бібліотеки академіи. Черезъ это послѣдняя обогатилась драгоцѣннымъ сокровищемъ.

При томъ же ректорѣ была открыта въ С.-Петербургской академіи новая кафедра исторіи раскола.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ произошло раздѣленіе предметовъ младшаго курса на двѣ группы—физико-математическую и историческую съ собственнымъ выборомъ студентовъ любой изъ этихъ группъ, а также и одного изъ новыхъ языковъ.

Важнымъ явленіемъ того же времени былъ переводъ книгъ Ветхаго Завета на русскій языкъ, начинъ котораго былъ порученъ Св. Синодомъ С.-Петербургской духовной академіи. Въ 1860—61 г. при ней былъ учрежденъ особый комитетъ, въ составъ котораго входили слѣдующіе профессора: М. А. Голубевъ, Д. А. Хвольсонъ и Е. И. Ловягинъ. Правда, со смертью М. А. Голубева (главнаго лица въ этомъ дѣлѣ по своей талантливости, знаніямъ и энергіи) дѣло перевода кончилось, но Комитетъ все же успѣлъ перевести и издать почти всѣ книги Ветхаго Завета. Этотъ переводъ книгъ священнаго писанія на русскій языкъ отвлекъ на нѣкоторое время академическія силы отъ предпринятаго еще въ 1848 г. систематическаго перевода и изданія твореній св. отцовъ.

III.

Въ 1859 г. С.-Петербургская духовная академія праздновала 50-лѣтній юбилей (ректоромъ ея былъ въ то время архим. Теофанъ (Говоровъ), впослѣдствіи еп. тамбовскій).

Престарѣлый уже въ то время митр. московскій Филаретъ, такъ много потрудившійся на пользу этой академіи, прислалъ ей икону Богоматери и письмо на имя митрополита с.-петербургскаго Григорія (Постникова), въ которомъ выразилъ свое отношеніе къ прошлому академіи и „благопожеланія“ ей въ будущемъ.

Начало новаго 50-лѣтія С.-Петербургской академіи совпало съ временемъ окончанія крымской войны и послѣдовавшими за этимъ реформами Царя-Освободителя Александра II въ разныхъ областяхъ государственной и общественной жизни. Эти реформы, конечно,

коснулись и православнаго духовенства, а также и духовно-учебныхъ заведеній.

Инициаторомъ въ данномъ случаѣ являлся оберъ-прокуроръ Св. Синода гр. Д. А. Толстой. Образованъ былъ особый комитетъ для производства реформы духовно-учебныхъ заведеній, вначалѣ духовныхъ училищъ и семинарій, а затѣмъ и академій. Новый уставъ для академій былъ выработанъ только лишь въ 1869 г. и въ томъ же году былъ введенъ въ С.-Петербургской академіи.

Вмѣстѣ съ этимъ уставомъ 1869 г. С.-Петербургская духовная академія вступила въ новый періодъ свой жизни. Этотъ уставъ, въ противоположность уставу 1814 г., стѣснявшему идеалы чистаго знанія, подъ натискомъ шедшихъ впередъ потребностей церковно-общественной жизни, вынужденъ былъ предоставить наукѣ болѣе широкій просторъ. Архіеп. Никаноръ херсонскій въ своемъ „пученіи въ церкви Казанской академіи на молебствіи предъ началомъ преобразованій въ 1870 г.“ производитъ замѣчательную оцѣнку новаго устава примѣнительно къ началамъ и задачамъ богословскаго образованія и указываетъ существенные недостатки прежняго (1814 г.) устава—чрезмѣрное нагроможденіе на студентовъ и профессоровъ учебныхъ предметовъ, „единоначальственное“ управленіе академіи ректорами и т. д. Уставъ 1869 г., говоритъ архіепископъ, все это устраняетъ.

Съ введеніемъ въ жизнь устава 1869 г. фізіономія С.-Петербургской академіи значительно измѣнилась. Перемѣна произошла прежде всего во внѣшней постановкѣ учебнаго дѣла. Выпуски студентовъ стали производиться ежегодно. Кандидатское сочиненіе они обязаны были писать на III курсѣ; на IV курсѣ они могли писать уже магистерское. Годъ пребыванія на IV курсѣ студенты должны были употреблять на спеціализацію въ извѣстной области.

Уставъ 1869 г. исцѣлилъ академію отъ губительныхъ для нея послѣдствій протасовскихъ реформъ и направилъ жизнь ея на настоящую дорогу. „Старая дисциплина, образцовый порядокъ во всемъ, со строгимъ исполненіемъ установленныхъ правилъ, оживленный интересъ къ знанію, усердныя занятія профессоровъ и студентовъ, при близкомъ общеніи между ними, годъ за годомъ выдающіяся сочиненія тѣхъ и другихъ, успѣхи приватъ-доцентуры въ подготовкѣ новыхъ наставниковъ академіи,—словомъ, настоящая, скромная, не показная, но неустанная, упорно-трудова, — настоящая академическая жизнь закипѣла кругомъ со введеніемъ этого устава. И чѣмъ дальше, чѣмъ больше новый строй входилъ въ жизнь и укрѣплялся, тѣмъ академія становилась болѣе и болѣе образцовой во всѣхъ отношеніяхъ. О старой академіи и царившихъ въ ней

порядкахъ мы слышали и узнавали какъ о чемъ-то сказочно-фантастическомъ, о чемъ старые профессора неохотно вспоминали¹⁾. Ничего, конечно, не предвидѣлось, что бы помѣшало этой работѣ. Уставъ 1869 г. заключалъ въ себѣ данныя для дальнѣйшихъ широкихъ и блестящихъ успѣховъ. Можно было вполне надѣяться, что на основѣ примѣненія къ дѣлу усвоенныхъ методовъ во всей ихъ широтѣ возникнетъ прочное зданіе русской церковной науки.

Для Петербургской академіи надежды эти усиливались и потому еще, что время съ 1869 г. по 1883 г. было какъ разъ временемъ управленія этой академіей протоіерея (нынѣ протопресвитера) І. Л. Янышева. Этотъ періодъ потому и является однимъ изъ блестящихъ въ исторіи С.-Петербургской духовной академіи, что въ данномъ случаѣ достоинства новаго устава сочетались съ достоинствами ректора, человѣка, выдающагося своею ученостью, энергіею и опытомъ жизни.

При І. Л. Янышевѣ (и не безъ его стараній) въ академіи введенъ новый предметъ—педагогика, выхлопотано право академіи выписывать изъ-за границы книги и періодическія изданія наравнѣ съ университетами.

Съ 1875 г. при С.-Петербургской духовной академіи началъ издаваться новый еженедѣльный журналъ „Церковный Вѣстникъ“, ставшій официальнымъ русскимъ церковнымъ органомъ и замѣнявшій въ этомъ отношеніи издававшуюся до того времени по частной инициативѣ „Духовную Бесѣду“.

Періодъ съ 1869 по 1883 г. былъ временемъ усвоенія академіею точныхъ научныхъ методовъ и опытовъ приложенія ихъ къ области русскаго церковнаго знанія. Въ этомъ тяготѣніи академіи къ начавшимъ крѣпко прививаться позаимствованнымъ (по необходимости) съ запада точнымъ научнымъ методамъ было усмотрѣно уклоненіе ея отъ служенія практическимъ интересамъ русской жизни и отъ церковно-консервативныхъ принциповъ обученія. И вотъ уже въ 1884 году (т. е. черезъ 15 лѣтъ послѣ введенія устава 1869 г.) послѣдовало введеніе новаго устава, съ наклономъ въ сторону пониженія научности въ академіяхъ и возстановленію принципа церковности въ обученіи, преобладавшаго во времена устава 1814 г.

Съ введеніемъ устава 1884 г. усилилась зависимость академіи отъ церковно-административной власти, былъ установленъ многопредметный общеобязательный курсъ, спеціализація въ обученіи устранена и т. д.

¹⁾ Изъ личныхъ воспоминаній проф. А. И. Пономарева (Церк. Вѣст. 1909 г. № 50—51).

Профессора снова (какъ и уставомъ 1814 г.) были отдалены отъ студентовъ и отъ ближайшаго, непосредственнаго участія въ „академическомъ строительствѣ“ по образовательно-воспитательной части¹⁾.

Уставъ 1884 г. продолжаетъ оставаться дѣйствующимъ и до настоящаго времени. Но уже съ началомъ ХХ стол. возникъ вопросъ о реформѣ духовной академіи и о выработкѣ новаго для нея устава. Въ 1905 г. при С.-Петербургской духовной академіи была образована коммиссія по составленію проекта преобразования этой академіи. Результаты трудовъ по этому дѣлу были представлены въ Св. Синодъ, отсюда въ Предсоборное присутствіе и наконецъ въ Высочайше утвержденную особую коммиссію при Св. Синодѣ.

Въ 1908 г. была назначена и произведена ревизія духовныхъ академій (Петербургскую академію ревизовалъ архіеп. херсонскій Димитрій), результаты которой были также представлены въ коммиссію.

Къ настоящему времени свои работы коммиссія уже кончила, и академія стоитъ при дверяхъ, въ ожиданіи новаго устава.

Новое столѣтіе жизни С.-Петербургской духовной академіи несетъ ей съ собою и новый уставъ. Русское общество въ лицѣ представителей разныхъ отраслей знанія въ своихъ привѣтствіяхъ С.-Петербургской духовной академіи по поводу ея 100-лѣтія произнесло свой судъ надъ ея дѣятельностью и плодами послѣдней за все время ея существованія. Но это былъ судъ, но не осужденіе. Было громко, на всю Россію сказано лишь о многоплодныхъ трудахъ С.-Петербургской академіи на пользу науки, о великихъ заслугахъ ея для церкви и государства, т. е. о томъ, что даетъ ей несомнѣнное право гордиться своимъ 100-лѣтнимъ прошлымъ и желать столь же славнаго будущаго.

Дай Богъ, чтобы новый уставъ еще шире и прямѣе сдѣлалъ этотъ трудовой путь С.-Петербургской духовной академіи въ наступившемъ новомъ столѣтіи ея жизни!

Н. Коноваловъ.

¹⁾ Изъ Церков. Вѣст., № 50, 1909 г.